

DOI: 10.15643/libartrus-2018.2.8

Принцип народности в художественной эстетике В. Г. Белинского

© Г. Е. Горланов

Пензенский государственный университет
Россия, 440026 г. Пенза, улица Красная, 40.

Email: elizar41@mail.ru

Проблема народности в художественной литературе – одна из актуальнейших в современном литературоведении. Одним из первых к обсуждаемому вопросу в 30-х гг. XIX в. подошел В. Г. Белинский. В статье рассматриваются его взгляды на понятие «народность», преемственные связи с мнениями на народность А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, связывавших этот термин с национальным своеобразием. Выработав свои оценочные критерии, В. Г. Белинский выдвигает в истории русской литературы такие понятия, как народность, псевдонародность, протонародность. Следуя обоснованным принципам, не без полемических высказываний, критик к числу народных относит творчество И. А. Крылова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя. Высокую оценку «народный» писатели получили не только за художественное мастерство, но и за выражение в своих произведениях русского народного самосознания. В связи с этим он особенно внимание уделил историческому роману М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году», увидев в нем как элементы народности, так и псевдонародности. В творчестве А. В. Кольцова подчеркнута протонародность стихов. Белинский не упрощал понимание народности, сводя его только к патристическому национальному духу – он пытался уберечь писателей от национальной ограниченности и космополитизма. Космополитизму как болезни русского общества подвержены в основном богатые слои общества, знакомые с жизнью Европы. Белинский критикует тех литераторов, в творчестве которых прослеживались нотки презрения к обездоленному русскому народу.

Ключевые слова: народность, Белинский, самосознание, национальное своеобразие, литературоведение, критика.

Критические работы Белинского связаны с тем периодом в литературе, когда утвердился реализм, вытесняя остатки сентиментализма и романтизма как направлений. За реализмом определялось будущее русской литературы не на один десяток лет, может быть, и столетий, если учесть, что и в двадцать первом веке реализм как метод не уступает разного рода модернистским течениям. Реализм Белинский понимал не как детальное списывание с природы во всех ее мельчайших деталях, а как осмысленный показ природы с обобщениями и воображениями, с разными художественными открытиями, носящими индивидуальный характер. Одним из главных оценочных критериев в художественной эстетике реализма В. Г. Белинского является принцип народности.

Народная литература не появилась в одночасье, а имеет свое длительное историческое развитие, начиная с мифологии и фольклора и продолжаясь в профессиональной литературе. В качестве практической и теоретической проблемы он появился в России в конце XVIII в., а в Западной Европе его родителем был немецкий философ, культуролог, литератор Г. Гердер (1744–1803).

Понятие народности в русское литературоведение ввел в 1819 г. П. А. Вяземский, задававшийся вопросом: «*Зачем не перевести nationality – народность*» [3, с. 132]. Как видим «национальное» и «народность» определяются как понятие единое. В. Г. Белинский в 30-е гг. не разграничивал понимание народности и национального своеобразия, а в статьях, посвященных творчеству А. С. Пушкина (1843–1846), говорит, что поэт может быть национальным, если смотрит на «сторонний мир» глазами своей «*национальной стихии*» (курсив Белинского). В данной статье он опирается на мнение, ранее высказанное Гоголем. В обзоре «Взгляд на русскую литературу 1846 года» автор, рассуждая о национальном, критиковал славянофилов за их якобы «национальную ограниченность». Несколько раньше, в 1826 г., и сам Пушкин обращал внимание на популярность этого термина в статье, которая так и называется «О народности в литературе»: «С некоторых пор вошло у нас в обыкновение говорить о народности, требовать народности, жаловаться на отсутствие народности в произведениях литературы, но никто не думал определить, что понимает он под словом народность» [2, с. 26].

Толкователем этого термина стал В. Г. Белинский, связав его с общественной значимостью и национальным духом русского народа. Напомню, что немецкий ученый Г. Гердер подразумевал в понятии «народность» национальную основу. Знакомый с работами Гердера русский философ и литературный критик включал в понятие «народность» национальную специфику. Поэтому и в суждениях критика переплетались два понятия: «народный» и «национальный», суть которых состояла не «в описании сарафана», но в самом духе народа». Воззрения критика не были раз и навсегда постоянными: взгляды его развивались от абстрактного понимания народности к ее конкретному пониманию, выражающему передовые взгляды русского общества.

Поводом для обращения к национальному вопросу послужила публикация собрания сочинений Д. И. Фонвизина и пятого издания исторического романа М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1812 году». Белинский разделял суждения славянофилов об уникальной роли русского народа в мировой истории, Богом избранного народа, обладающего особой духовной организацией. Такой вывод появился у него в результате сопоставления произведений западноевропейских национальных литератур. Говоря о различиях характера мышления разных наций, он находит и некоторые общие черты, например, выискивает общее в менталитетах русских и немцев.

Идея народности в первой статье «Литературные мечтания», принесшей критику известность, тесно связывалась со всеобщим просвещением русского народа, который, по мнению автора, обладал умом, трудолюбием, он «усерден и горяч ко всему благому и прекрасному». Такой взгляд на мужика для тридцатых годов был смелым, расходящимся с официальной трактовкой идеологов крепостничества и самодержавия о якобы природном превосходстве дворян над крестьянами и мещанами.

Изображая только бородатых купцов, мужиков в зипунах и баб с шерстяными платками, то есть в русских национальных одеждах, недостаточно, чтобы называть художественное произведение народным. Важно присутствие русского духа и национальных интересов, важно выражение русского духовного самосознания в литературных полотнах. Кроме этого, необходимо наличие прогрессивных мыслей, волнующих большую часть населения России. Вместе с тем критику претил дух национальной ограниченности, с одной стороны, и космополитизм богатых слоев общества, стремящихся к европейской изысканности в поведении, одежде,

речи. Таковых космополитов, князей и графов немало было во властных кругах, он иронически называл их «абстрактными человеками» и «беспачпортными бродягами».

В высокоталантливом художественном произведении обязательно есть выражение народных интересов, а неисчерпаемый источник такой народности кроется в устном народном поэтическом творчестве. Народный писатель потому и называется народным, что, являясь частицей своего народа, опирается на его мудрость, накопленную веками, на стихию устного народного творчества, пословицы и поговорки, народные песни и сказки, ставшие основой для создания высокохудожественных произведений профессиональными писателями. В связи с этим одним из критериев народности является наличие фольклорных элементов в творчестве литератора. По этой причине в число народных он включает тех писателей, в коих имеется золотой запас красного слова, таких, например, Кольцова, Лермонтова с «Песней про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». В подобных произведениях выражена не примитивная похожесть на жизнь российского общества, а сама бурлящая действительность с истинными, а не придуманными формами бытия народа.

Вспоминая романы и повести Нарезного, Булгарина, Марлинского, Загоскина, Лажечникова, Ушакова, Вельтмана, Полевого, Погодина, Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» в заслугу им поставил то, что они обратили свои взоры на народ. В их произведениях стали появляться литературные герои, представляющие разные слои русского общества, и писатели пытались для каждого из них подобрать соответствующую им лексику, что придавало книгам внешнюю похожесть на правду характеров. Вместе с тем, несмотря на указанные положительные веяния, такая народность, по мнению Белинского, «отдавалась маскарадностью», потому что действующие лица, русские, только именами и одеждой отличались от иностранцев. Не доставало писателям художественного мастерства для показа национальных характеров.

Уже в ранних статьях Белинский противопоставляет два понятия: «народность», с одной стороны, и «псевдонародность» и «простонародность» – с другой. Псевдонародность находит он у беллетриста В. А. Ушакова. Заключается она в том, что писатель может похоже описать какие-либо жизненные картины с всевозможными точными деталями, зипунами, лаптями, но «не уловит жизни народа. Не постигнет его поэзии» [1, т. 2, с. 25], потому что здесь показана только внешняя атрибутика, схематичное изображение человека, под которые может подойти литературный герой любой национальности. К псевдонародным он относит уже в зрелые годы произведения славянофилов Н. М. Языкова и А. С. Хомякова, подделывающихся, по мнению критика, под простонародность в лексике, поступках, нарядах, портретных характеристиках.

Псевдонародность, по воззрениям Белинского, имеет много общего с простонародностью, которая может быть выражена авторами – выходцами из низших слоев общества. Таким по-этом является Алексей Кольцов, высоко оцененный критиком. Народность этого поэта природная, «она благородна, не оскорбляет чувства ни цинизмом, ни грубостью, и в то же время она у него не поддельна, не натянута и истинна» [1, т. 1, с. 389]. И все-таки под понятие истинно «народного» поэт не подходит, так как выражает менталитет только одной части общего понятия народ, в который входят все слои русского общества. В сравнении с Кольцовым Михаил Лермонтов с его «Песней про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» подходит под такое высокое звание, ибо выражает дух всех слоев русского общества.

Псевдонародные произведения могут быть и популярными в определенную эпоху. Образцом таких произведений критик называет исторический роман М. Н. Загоскина, лишенный подлинно национального содержания, в котором он увидел пропаганду «официальной народности». Нельзя не увидеть некоторую противоречивость в оценке романа «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году». По его утверждению, роман имеет «почетное значение, прежде всего, в России, ибо это была первая попытка заставить в русском романе говорить и действовать русских людей по-русски» [1, т. 10, с. 184]. Далее критик, продолжая анализировать роман, допускает возможность назвать народным, поскольку на его страницах показаны все слои населения «от высших до низших» [1, т. 10, с. 184]. Затем к числу положительных элементов он относит и то, что «Юрий Милославский, или русские в 1612 году» воспитывает патриотические чувства и «продолжает его делать» [1, т. 10, с. 185]. В чем же дело? Почему бы в таком случае не зачислить произведение в число народных? Нельзя, потому что Белинский обратил внимание и на другую сторону медали. С другой стороны, наряду с перечисленными плюсами отметил критик и недостатки, хотя и не влиявшие на общую положительную оценку, но они есть. Критиком отмечено отсутствие «подлинного историзма», сказавшееся в «официальной народности». Видит он и некоторую наивность «младенческой народности», сказывающуюся в том, что социальное положение героев неразлично, люди низших сословий походили порой на переряженных баб, а те, в свою очередь, только русскими именами отличались от иностранцев, не доставало здесь художественного вымысла. Подобные недостатки объяснимы, ведь тогда, иронически замечал критик, не было «Пиковой дамы» Пушкина и повестей Гоголя. Так строго подходил критик ко всем писателям, претендующим, на его взгляд, называться народными.

Роман М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году», посвященный важной эпохе освобождения от польских захватчиков Государства Российского, тем самым все-таки имевшим «национальное содержание», сыграл свою положительную роль. После его распространения по всей Руси и высокой оценки многих писателей и культурных деятелей стали появляться «истинно народные», по выражению критика, повести А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, романы И. И. Лажечникова.

Гениальным явлением, народным писателем для Белинского на всю жизнь оставался А. С. Пушкин. Критик занимался изучением творчества поэта как ученый-исследователь, готовивший монументальный труд под общим названием «Сочинения Александра Пушкина». С 1843 по 1846 год им опубликовано одиннадцать статей, в которых анализируются, по сути дела, не только творчество Пушкина, но и литературный процесс допушкинской и пушкинской эпохи. Поводом для написания статей явился выход в свет посмертного собрания сочинений Пушкина в одиннадцати томах. Все статьи публиковались в журнале «Отечественные записки». Первые пять статей помещались в книгах 6, 9, 10, 12 за 1843 год; статья 6 – в книге 2; 7 статья – в книге 3, 8 статья – в книге 12 – за 1844 год; две статьи, 9, 10 – соответственно в книгах 3 и 11 за 1845 год, и последняя, одиннадцатая статья – в книге 10 за 1846 год. В лице критика «родоначальник новой литературы» нашел талантливый толкователь. С первыми своими статьями он выступил еще при жизни поэта и не в роли первооткрывателя, а в основном в качестве комментатора. Талант Пушкина осмысливался в спорах с мнением либералов на поэзию Пушкина.

Ставя на первое место правдивое изображение действительности, критик призывал писателей придерживаться запросам общества, выявлению общественных интересов, которые

в конечном счете возвышают художественное произведение. Они становятся известными не только избранным группам общества, как бы они распрекрасно ни разбирались в отдельных видах искусств, а всему народу без деления его на богатых и бедных. По этой причине он радовал за искусство, понятное народу, ради которого и пишутся произведения разных родов и жанров. Отсюда само собой напрашивается борьба с апологетами чистого искусства. Белинский, подсознательно чувствуя свою правоту, вступал в дискуссию даже с теми писателями, которые положительно зарекомендовали себя в элитных литературных кругах. Автор статей о Пушкине был твердо уверен в том, что мистицизм, символизм, импрессионизм, внушаемые писателям и поэтам либеральными эстетам, связывают, как считает Белинский, крепкими нитями вдохновенные крылья поэзии, запирают свободу творчества в надуманные клетки формализма. Эта мысль прослеживается на примере интерпретации стихотворения Пушкина «Чернь». «В стихотворении „Чернь“, – пишет Белинский в пятой статье о Пушкине, – заключается художественное *profession de foi* Пушкина. Он презирает чернь, и на ее приглашение – исправлять ее звуками лиры – отвечает словами, полными благородной гордости и энергетического негодования». Далее свою мысль он аргументирует строками из стихотворения «Чернь», заканчивая возвышенными хрестоматийными стихами: «Не для житейского волнения, / Не для корысти, не для битв: / Мы рождены для вдохновения, / Для звуков славных и молитв!» [1, т. 7, с. 344–345].

Белинский, видимо, знал историю создания стихотворения, непосредственным толчком к написанию которого явилось хвалебное обращение поэтессы А. И. Готовцевой к Пушкину. Она, однако, и упрекнула автора романа в стихах «Евгения Онегина» (4-я глава) в предвзятом отношении к женщинам. Отсюда у критика появились слова осуждения к адресату, «чтоб он воспевал им все любовь да дружбу и пр...». Вместо ответа конкретной поэтессе вначале появилось широкое обобщение, а потом образ «черни», а потом и «толпы». Как раз такая типизация усложнила идею стихотворения, вызвав определенный общественный резонанс.

На примере этого стихотворения можно убедиться в большом значении названия художественного произведения. Стихотворение, написанное Пушкиным в 1829 г., называлось «Чернь». Под таким названием знал его Белинский. Пушкин сам при подготовке им нового издания изменил название, переделав его в «Поэт и толпа». «Толпа» и «чернь» – понятия совершенно разные: во втором случае под чернью подразумевалась часть народа низкого звания. «Толпа» же представляет собой группу людей, организованную по каким-либо определенным интересам. Толпа вступает в полемику с поэтом, требуя от него направить свое поэтическое перо на практические нужды. Белинский в только что процитированном тексте поддерживает поэта, полностью отдающего идеалу: что вовсе не означает проповедь «искусства для искусства».

В этом стихотворении есть спорные строчки, ставшие крылатыми. Поэт отвечает толпе, упрекающей автора, тратящего свой поэтический пыл на воспевание предметов и явлений, бесплодных, не имеющих никаких материальных выгод – «Какая польза нам от ней?».

Тебе бы пользы все – на вес
Кумир ты ценишь Бельведерский.
Ты пользы, пользы в нем не зришь.
Но мрамор сей ведь бог!.. Так что же?
Печной горшок тебе дороже:
Ты пищу в нем себе варишь [2, с. 376].

Белинский, анализируя стихотворение «Чернь», особо подчеркивал именно это название, поддерживал поэта, полностью отдающегося идеалу, что вовсе не означает проповедь только одного возвышенного идеала Бельведерского.

Оппоненты Белинского «печной горшок» связали с мнением революционно-демократической критики. Позже, в 1865 г., Некрасов в стихотворении «Железная дорога» вложил в уста генерала-аристократа, выступающего от лица либералов слова:

Или для вас Аполлон Бельведерский
Хуже печного горшка? [4, с. 100].

Генерал, по версии Некрасова, – человек начитанный, но здесь искажил строчки Пушкина. Видимо, не случайно обращены эти слова поэту-рассказчику, рассказавшему маленькому Ване о настоящих строителях железной дороги.

Впрочем, если вернуться к пушкинскому шедевру и иметь в виду «чернь», а не «толпу», то можно выразить мнение обездоленного народа: печной горшок, без которого не может обойтись крестьянская семья, дорожке Аполлона Бельведерского, пусть он даже сделан из высококачественного мрамора. И. С. Тургенев оставил любопытное воспоминание о том, как Белинский полемически нападал на «отсутствующего Пушкина» за его две строчки: «Печной горшок тебе дорожке: / Ты пищу в нем себе варишь!». И конечно, – твердил Белинский, сверкая глазами и бегая из угла в угол, – конечно, дорожке. – Я не для себя одного, я для семейства для другого бедняка в нем пищу варю, – и прежде чем любоваться красотой истукана, а – будь он распефидиасовский Аполлон – мое право, моя обязанность накормить своих и себя, назло всяким негодующим баричам и виршеплетам!» [2, с. 363].

Такое резкое и справедливое замечание вовсе не означает того, что Белинский недооценивал роль художественной формы, о чем шла речь выше, он, хотя по справедливой реплике Тургенева, «не был поклонником принципа – искусство для искусства», высоко ценил высокохудожественные произведения, например, того же Пушкина, которого назвал народным поэтом.

Мысль о народности всякий раз появляется при имени великого И. А. Крылова. В семье Белинских комедианта и баснописца И. А. Крылова знали и почитали давно, в Чембарском доме с малыми ребятами разыгрывали сценки по его басням. Лично он познакомился с баснописцем уже в последний период жизни писателя. До этой встречи он с теплотой отзывался о его сценических произведениях «Модная лавка» и «Урок дочкам», которые, по мнению Белинского, «возбудили в публике того времени величайший восторг» [1, т. 8, с. 586]. Самая же главная заслуга Крылова – написание басен, в которых прослеживается народный ум баснописца. Для большей убедительности автор статьи процитировал басню «Лисица и Сурок».

Мысли о народности критик продолжал развивать в последующих статьях, опубликованных в 1835–1836 гг.: «О русской повести и повестях г. Гоголя», «Стихотворения Владимира Бенедиктова», «Стихотворения Кольцова» и др. Этапной стала статья «О русской повести и повестях г. Гоголя», опубликованная в журнале «Телескоп» в 1835 г. Великому сатирику посвящено около двадцати специальных статей и рецензий, не считая упоминаний о нем в других работах.

Здесь споры о народности переходят в полемику о понимании национальной сущности народа. Важность проблемы сказывается еще и в том, что Россия – страна многонациональная, обширная по территории.

Белинский как ученый философ, гуманист, просветитель, теоретик и историк литературы, как русской, так и зарубежной, высказывал свои суждения с позиций русского народа,

включая в него все слои российского общества, включая и «чернь», как называли простолюдинов господ, то бишь привилегированная часть общества. Хвалой из уст Виссариона Григорьевича звучало понятие «народный»... Такое звание далеко не всякий заслуживал. Вслед за Крыловым в число народных писателей попадали А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов. Великий критик ценил их не только за то, что они были мастера художественного слова, но и еще за то, что выражали русское народное самосознание.

Литература

1. Белинский В. Г. *Полное собрание сочинений: В 13 т.* М.: АН СССР, 1953–1959.
2. *Белинский в воспоминаниях современников.* М.: ОГИХЛ, 1948.
3. Гуляев Н. А., Богданов А. Н., Юдкевич Л. Г. *Теория литературы в связи с проблемами эстетики.* М.: Высшая школа, 1970. 380 с.
4. Некрасов Н. А. *Собрание сочинений в 4 т.* М.: Правда, 1979. Т. 2. 370 с.
5. Пушкин А. С. *Собрание сочинений в 10 т.* М., 1981. Т. 6.

Поступила в редакцию 28.12.2017 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2018.2.8

The principal of nationality in V. G. Belinsky's artistic aesthetics

© G. E. Gorlanov

*Penza State University
40 Krasnaya Street, 440026 Penza, Russia.*

Email: elizar41@mail.ru

The problem of nationality is the one of the most actual in the modern study of literature. One of the first critics, who appealed to that question and problem in the 30s of the 19th century was V. G. Belinsky. In this article, his opinion on term "nationality" is considered in connection to A. S. Pushkin and N. V. Gogol's opinions on national originality. The author of this article believes that V. G. Belinsky developed his own evaluation system for literary texts, based on such characteristic as nationality, pseudonationality, and vulgarity. Following to this debatable principles, the critic defined the works by I. A. Krylov, A. S. Pushkin, M. Yu. Lermontov, and N. V. Gogol as "national". These writers got the highest evaluation by calling them "national" not only for their artistic mastership, but also for expressing the Russian national self-reflection in literary texts. In this context, V. G. Belinsky payed attention on the historical novel "Yuri Miloslavsky, or Russians in 1612" by M. N. Zagoskin, with its "national" and "pseudonational" elements. In the poetry by A. V. Koltsov, V. G. Belinsky accentuated vulgarity of lyrics. The critic did not simplify understanding of "nationality" reducing it only to patriotic national spirit; he tried to protect the writers from national narrowness. V. G. Belinsky criticized the authors, whose creativity had traces of despising the destitute Russian people.

Keywords: nationality, Belinsky, self-reflection, national originality, study of literature, criticism.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Gorlanov G. E. The principal of nationality in V. G. Belinsky's artistic aesthetics // *Liberal Arts in Russia*. 2018. Vol. 7. No. 2. Pp. 154–161.

References

1. Belinskii V. G. *Polnoe sobranie sochinenii: V 13 t. [Complete works: In 13 volumes]*. Moscow: AN SSSR, 1953–1959.
2. *Belinskii v vospominaniyakh sovremennikov [Belinsky in the memoirs of contemporaries]*. Moscow: OGIKhL, 1948.
3. Gulyaev N. A., Bogdanov A. N., Yudkevich L. G. *Teoriya literatury v svyazi s problemami estetiki [Theory of literature in connection with problems of aesthetics]*. Moscow: Vysshaya shkola, 1970.
4. Nekrasov N. A. *Sobranie sochinenii v 4 t. [Works: In 4 volumes]*. Moscow: Pravda, 1979. Vol. 2.
5. Pushkin A. S. *Sobranie sochinenii v 10 t. [Works: In 10 volumes]*. Moscow, 1981. Vol. 6.

Received 28.12.2017.